

По ту сторону сцены...

Зал погрузился в полумрак. Отвучала увертюра, и тяжелый занавес медленно унылым за портал. Зрители предвкушали удовольствие от хорошего пения, живой игры. Но с первых же мгновений на сцене обнаружилось нечто необычайное. Баритон деловито перенюхивал. На лице тенора блуждала напряженная улыбка. Лирическое сопрано была настолько не в форме, что публика со страхом ожидала: вот-вот сорвется...

Волнение артистов передается в зал. Соседи по креслам переглядываются, как бы вопрошая друг друга:

— Туда ли мы поехали? Ведь мы шли в известный московский театр. Ведь на фасаде этого театра красуются такие обязывающие имена! Может быть, тут произошла какая-нибудь ошибка?

Нет, уважаемые товарищи, никакой ошибки не произошло. Вы попали именно туда, куда шли, — на спектакль Музыкантского театра имени народных артистов Станиславского и Немировича-Данченко. Ваше недоумение вполне закономерно. Ваша тревога за судьбу театра, созданного корифеями советского искусства, понятна и естественна. Но, поверьте, ее разделяют с вами и люди, отделенные от зрителей сверкающей рамкой.

Если взглянуть напристойней, сценические неполадки всегда находят объяснение в событиях, происходящих по ту сторону сцены. А происходит там немало. Любимой солист оперы, хорист, оркестрант может ожидать каждый день вызова в директорский кабинет, чтобы выслушать, подобно инспектору балета Столяровой, категорическое предложение:

— Подавайте заявление об уходе.

— Почему?

— Вы мне не нравитесь.

— Но это не основание! Я не согласна!

— Это меня не интересует...

Вообразившему себя единственным ценителем искусства директору ничего не стоит сказать человеку, который удостоивался похвалы прославленных основателей театра, что он «не имеет специальных данных». Излюбленная реплика этого директора — «Я так хочу». Без всякой причины он может и оскорбить и обругать. Когда проникший как-то в начальнический кабинет рабочий сцены Гужев сказал: «Здравствуйте, товарищ директор», — в ответ раздался разъяренный возглас:

— У меня есть имя и отчество! Меня зовут Всеволод Федорович! Повторите!

— Ничего, товарищ директор, — пытался успокоить его Гужев, — я и так запомню.

— Вы из кабинета! Пишите заявление об уходе!..

Таковы приемы, таков «стиль руководства», усвоенный товарищем Пименовым, то бишь (простите, товарищ директор!) Всеволодом Федоровичем. В тесном сотрудничестве с директором Самосузом он репичит, оговаривает, зачерпывает все, что создавалось десятилетиями, и внасаждает нечто новое, своеобразное. И, когда, например, увольнялась артистка Розанова, это объяснено было «реорганизацией театра». Так именно сказано в приказе.

За короткое время труппа волею Всеволода Федоровича лишилась многих талантливых работников, составлявших ее основной костяк. Признаны «утратившими профессиональную пригодность» народные артисты РСФСР Камерная и Гольдштам. Удалены режиссеры Златогорова и Зинковская, дирижеры Акузов и Шпитальский, артистка Ля-Тун, Чаброва, Сивани и многие другие. В основном — по двум универсальным мотивам: а) «Вы мне не нравитесь» и б) «Я так хочу».

Этим же методом руководствуется Пименов и во всей своей текущей деятельности. Ложно истолковывая принцип единоначалия, он вообразил себя единственным в коллективе знатком и ценителем оперного искусства. В ответ на вопрос режиссера Камерницкого, по какой

причине роль в «Хозяйке гостиницы» отнята у одной артистки и передана другой, директор перек третью свою любимую фразу:

— Мне так нравится...

С трудом верится, но это факт: в театре нет сейчас ни главного режиссера, ни главного дирижера. Да при существующих порядках они, пожалуй, и не нужны. Потому что Пименов решает все без исключения вопросы единолично. Не выходя из кабинета.

Станиславский говорил: «Люди, любящие и понимающие то, что они вместе создают, должны уметь стелзоваться. Стелз тем из них, кто не умеет этого добиться, кто начинает преследовать не основную, общую, а личную, частную цель, которую он любит больше, чем самое коллективное творчество. Тут смерть искусству, и надо прекращать разговор о нем». А директор театра, основанного великим артистом, считает обсуждение творческих вопросов пустой тратой времени!

Только из вывешенного на стенке директорского приказа руководящие творческие работники театра узнали, как распределяются роли в новом спектакле «Бетси в Боте». По такому же принципу, точнее сказать, — так же самоуправно вводятся новые исполнители в старые постановки. Вводятся порою просто для того, чтобы не дать роль артисту, который был на хорошем счету «у старому руководству». Что из этого получается — нетрудно догадаться. Яркие некогда спектакли туснеют, уровень исполнения снижается. Новые исполнители не подходят для поручаемых им ролей ни по голосовым данным, ни по внешности. И недаром как-то на «Перикле» постыпалось из зрительного зала проникновенное замечание:

— Бедные выппе пенны! Как они с горя располстели!..

Вместе того, чтобы, сиюминутно возмущая для дружной работы, добиваться повышения идейного и художественного качества постановок, В. Пименов распыляет силы труппы на многочисленные параллельные спектакли, которые своим откровенно халтурным пошлым роном портят достоинство театра. Несколько месяцев назад театр играл одновременно на трех московских сценических площадках и в Туле.

Во время гастролей в Кирове декорации для «Евгения Онегина» подбиралась успех в местном драматическом театре, и встреча Евгения с Татьяной, к удивлению зрителей, состоялась... в сенях дома Фадусова. Опера ставилась с оркестром из восемнадцати, с хором — из восьми человек! Можно себе представить, какие горькие воспоминания оставили по себе в крупном областном центре гастроль столичного театра.

По всему этому надо добавить, что на афишах театра все реже появляются произведения оперной классики. В репертуаре его преобладает оперетта — «Прекрасная Елена», «Перикол», «Карениныские колокола», «Дочь Анго», «Сказки Гофмана». Работа над советской тематикой отодвинута на далекое будущее.

Оторванность директора от коллектива, отсутствие должного художественного руководства, неправильное отношение к старым кадрам и беззаботное отношение к воспитанию актерской молодежи — все это крайне тревожные симптомы. Они с особой силой подчеркивают, что сегодняшняя деятельность этого театра далеко не отвечает требованиям, которые поставлены перед работниками искусства известным постановлением ЦК ВКП(б) об опере «Великая дружба» В. Мурадели.

В Музыкальном театре имени народных артистов Станиславского и Немировича-Данченко создается явно нездоровая атмосфера. Не пора ли Комитету по делам искусства покинуть позицию невмешательства и серьезно заинтересоваться тем, что происходит за кулисами этого театра?

А. ИВАНОВ, С. ШЕВЕЛЕВ.